

**К. В. Чистов**

## **ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

**30—80 гг. XX ВЕКА.**

**К 50-летию Института этнографии АН СССР**

В феврале 1983 г. ордена Дружбы Народов Институт этнографии АН СССР отметил свое пятидесятилетие. Решение Президиума Академии наук СССР, принятое 1 февраля 1933 г., предусматривало создание академического центра, который смог бы возглавить и координировать научно-исследовательскую деятельность советских этнографов и антропологов. Как показало дальнейшее развитие науки, решение было весьма своевременным и обоснованным. В чем же было его принципиальное значение?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить своеобразную ситуацию, сложившуюся в советской этнографии на рубеже 20-х и 30-х гг. Разумеется, мы не сумеем рассмотреть ее в деталях. Воспользуемся тем, что прошедшие пятьдесят лет и опыт, накопленный советской наукой, облегчают теперь возможность взглянуть на события тех лет в исторической перспективе.

Отечественная этнографическая наука 20-х гг. имела за своими плечами вековую традицию. Дореволюционная русская этнография, как известно, сыграла в свое время значительную роль в развитии общественной мысли, в социально- и национально-освободительном движении в России. Разумеется, далеко не все русские этнографы и фольклористы XIX и начала XX в. были людьми прогрессивных убеждений. У этнографии было и свое правое крыло — ученые, идеализировавшие старину и приукрашивавшие современную им жизнь народа, даже откровенные шовинисты, деятели, служившие колонизаторской политике царского правительства. Однако подобные тенденции никогда не преобладали в русской этнографии\*. Именно поэтому большинство этнографов старшего поколения в 20-е гг. столь естественно включилось в новую для них созидательную работу. Если далеко не все они уже в это время могут быть названы марксистами в точном значении этого слова, то все же деятельность подавляющей части их была прежде всего демократической, интернационалистской и гуманистической, и в этом смысле практически не противостояла марксизму.

В первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции возникла острая нужда в этнографах, этнодемографах и этнокартографах. Установление исторически обоснованных границ между союзными республиками требовало знания этнической истории народов бывшей Российской империи, истории развития их этнических территорий; подобные же знания нужны были для приведения административного районирования страны в соответствие с ее этнической структурой, для определения границ автономных республик, областей и округов.

<sup>1</sup> *Токарев С. А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. — Сов. этнография (далее СЭ), 1951, № 2; *Сойманов А. Д.* Из истории русской фольклористики второй половины XIX века. — В кн.: Историко-литературный сборник. М. — Л., 1957; *Гусев В. Е.* Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века. М. — Л., 1961; *Токарев С. А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1966, с. 354—357; *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954; *Кошелев #. Р.* Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962; *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.

Учет традиционных правовых норм и особенностей быта отдельных народов необходим был при выработке основ советского законодательства в национальных районах страны.

В 20-е гг. создавались многочисленные правительственные, академические и общественные научные центры, выполнявшие эту столь важную по своему политическому смыслу работу. Деятельность этнографов, участвовавших в этой работе, целенаправленно послужила выработке конкретных форм осуществления ленинской национальной политики в разнообразнейших условиях и ситуациях, складывавшихся в разных районах многонациональной страны<sup>2</sup>. В 20-е же годы многие вузы страны качали систематическую подготовку кадров профессиональных этнографов<sup>3</sup>. Студенты-этнологи, как их тогда называли, отправлялись на два-три года (иногда и больше) к народам, избранным для изучения, работали учителями, культпросветработниками, организаторами «красных чумов». Овладев в совершенстве языками «своих» народов, они участвовали в создании письменности в прошлом бесписьменных народов, составляли первые грамматики и книги для чтения. Практическая деятельность сопровождалась сбором этнографических материалов, которые впоследствии разрабатывались десятилетиями. Все это было достаточно ново и вместе с тем осознавалось как прямое продолжение этнографической деятельности прогрессивного крыла этнографов и фольклористов второй половины XIX — начала XX в. Активное участие в практической деятельности дало возможность создать также первые коллективные монографии о социальных преобразованиях 20-х гг. в различных частях страны.

В старшем поколении ученых 20-х гг., как мы уже говорили, решающую роль играли этнографы прогрессивного, левого крыла предреволюционной российской этнографии, всегда стремившиеся поставить свои знания на службу народу (Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зеленгин, Е. Г. Кагаров, Д. А. Анучин, В. Н. Харузина и др.). Именно поэтому они смогли стать наставниками этнографической молодежи и вместе с ними активно участвовали в выработке методологических основ советской этнографии.

Вместе с тем 20-е годы отличались разительной пестротой, которая нас до сих пор удивляет. В краткой статье невозможно передать все оттенки тогдашних теоретических расхождений в понимании предмета этнографии, ее познавательных и общественных функций. 20-е годы еще предстоит изучать историкам советской этнографии. Скажем только, что сосуществовали и боролись между собой и с другими течениями два крайних направления. Согласно концепции одного из них — советская этнография должна была заниматься только проблемами первобытности (т. е. по существу самоликвидироваться), согласно другой концепции — этнография должна была стать наукой о человеке и его деятельности в самом широком смысле этого слова<sup>4</sup> (что довольно близко к

---

<sup>2</sup> Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. — середина 1930-х годов). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V. М.: Наука, 1971 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 95); Антропова В. В. Участие этнографов в осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930). — СЭ, 1972, № 6; Брамлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. — В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978 (см. гл. IV — Советская этнографическая наука. Музей антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР), с. 163—194.

<sup>3</sup> Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки.

<sup>4</sup> Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (по докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии). — СЭ, 1932, № 3, с. 3—14; Потапов Л. П. Музей антропологии и этнографии АН СССР (к 250-летию музея). — СЭ, 1964, № 4; Абрамзон С. М. Советская этнография 30-х гг. — СЭ, 1976, № 4; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи...

пониманию функций физической, социальной и культурной антропологии вместе взятых в англосаксонских странах)<sup>5</sup>.

Итак, реальные практические достижения советской этнографии 20-х гг. и развитие этнографического образования, с одной стороны, и, с другой стороны, — противостоящее этому процессу стремление размыть границы этнографии или максимально сузить их. Речь шла не просто о достижениях или ошибках отдельных ученых, а о смысле этнографии как науки в целом в определенной социально-политической и этнокультурной ситуации. Именно поэтому решение Президиума Академии наук СССР было весьма своевременным и сыграло большую роль в дальнейшем развитии советской этнографии. Решение создать специальный институт должно было помочь этнографии обрести надлежащее ей место в системе современных знаний и восстановить свои общественные и познавательные функции.

Вновь создаваемый Институт этнографии должен был сформироваться на базе существовавшего уже без малого столетие академического Музея этнографии. Решение тем самым подчеркивало необходимость развивать прогрессивные традиции русской этнографии и одновременно указывало на важность богатейших музейных фондов старейшего русского музея как источниковедческой базы этнографии, что в значительной мере также шло вразрез с одной из распространившихся в те годы ошибочных установок — музеи должны экспонировать не вещи, а идеи. И, наконец, решение исходило из реального факта наличия профессионально подготовленных кадров, которые сплотятся в творческий исследовательский коллектив. Именно новому Институту и предстояло в последующие десятилетия в сотрудничестве с этнографами неакадемических учреждений и этнографическими подразделениями академий союзных республик (по мере их возникновения) сыграть решающую роль в формировании современной концепции советской этнографии и способствовать созданию советской школы этнографии, развернуть теоретическую и практическую деятельность, адекватную новой социальной и культурной ситуации.

Методологические основы современной советской этнографии были выработаны не сразу. Они формировались в процессе творческого поиска, дискуссий, накопления практического опыта и трезвой оценки неудач и промахов. Советская этнография всегда стремилась бережно сохранять и развивать демократические традиции передовой русской этнографии XIX — начала XX в., исследовательский опыт практической деятельности 20-х гг. Однако выяснилось, что этого недостаточно.

Изменение понимания предмета этнографии и ее общественных и познавательных функций всегда зависело преимущественно не от спонтанного развития теоретических идей, хотя и таковое, разумеется, имело место. Как всякая другая общественная наука, этнография имеет дело с исторически развивающимся объектом познания. Изменение структуры социальной действительности и связанные с этим изменения этнической и культурной ситуации не могли не повлечь за собой изменения предметной зоны науки, если она стремилась к адекватному познанию действительности и активному воздействию на нее. Для того, чтобы этот тезис мог считаться доказанным, следовало бы совершить пространный экскурс как в историю русской этнографии, так и в социальную историю России. Здесь мы можем только напомнить о некоторых общеизвестных фактах.

Этнография в России, как и в других странах Европы, возникла как

---

<sup>5</sup> Ср. Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М.—Л., 1929; Аверкиева Ю. 77. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В. О предмете культурно-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа). — В кн.: Этнография за рубежом. Историографические очерки. М., 1979; См. также Келембетова В. Ю. Сучасна буржуазна соціокультурна антропологія. (Критико-етнографічне дослідження). Київ: Наук, думка, 1980.

наука об экзотических народах или о быте так называемого «просто-народья», т. е. низших и для исследователя тоже экзотических социальных слоев «*vulgus in populo*». С точки зрения стороннего наблюдателя это были как бы издавна сложившиеся, неподвижные, замкнутые целостные системы культуры. Поэтому границы предметной зоны этнографии были легко определяемыми, четкими. Столь же ясным представлялся и вопрос о предмете этнографии, когда речь шла о так называемых «примитивных» народах или о постепенно открывавшейся взору археологов первобытности. Крестьянская традиция, ее особенности и достижения, изучавшиеся этнографами, были важны не только для знания жизни и быта современного исследователям крестьянства, но и для реконструкции прошлого народов, которое оценивалось как национальное наследие, столь важное для современных наций и их самосознания, для развития самобытной культуры и искусства.

Но уже во второй половине XIX в. стало постепенно выясняться, что традиционные системы культуры не столь непроницаемы; более того — целые комплексы, слои, сферы традиционной культуры начинают изживаться, постепенно уходят из жизни, забываются. Традиционные формы культуры, или их элементы, разумеется, продолжали еще функционировать, но (чем далее, тем во все большей и большей мере) при преобладании или в сочетании с формами «нетрадиционными». Именно в такой ситуации возникла концепция «живой старины» как основного предмета этнографии и фольклористики. Согласно этой концепции, этнография должна была заниматься либо так называемыми «отсталыми» народами, сохранившими в большей или меньшей мере в неприкосновенности архаические традиции повседневной культуры, либо «пережитками» архаики в культуре «современных» народов. Подобные пережитки считались наряду с историческими документами важнейшими источниками реконструкции уже размытых или размывавшихся в процессе начавшейся урбанизации целостных систем традиционного быта (так называемый «ретроспективный метод»).

Коренные изменения в социальной структуре советского общества на рубеже 20-х и 30-х годов, решительное ускорение процесса урбанизации, развивавшейся теперь на социалистической основе, поставили классические этнографические концепции под сомнение. Стало выясняться, что привычные методы уже не дают желаемых результатов (см., например, работы о первых колхозах, выполненные сотрудниками ИПИИ — Института по изучению народов, который вместе с Музеем антропологии и этнографии АН был прямым предшественником возникшего в 1933 г. Института этнографии АН СССР). Изменилась социальная действительность, изменилась этнокультурная ситуация. Это неизбежно должно было привести к пересмотру основной этнографической концепции, к пересмотру предметной зоны этнографии, к выработке новых представлений об ее общественных функциях, к перестройке ее связей и отношений с другими, соседними и родственными науками.

Основы современной теоретической концепции советской этнографии закладывались еще в предвоенный период, оказавшийся столь кратким. Напряженный теоретический поиск продолжался и в послевоенные годы, но свой современный характер советская этнография обрела окончательно только в 60-е и 70-е гг., когда социалистическая общественная система становилась системой развитого социализма, а наука все в большей и большей степени осознавалась как существенная социальная и производительная сила. Важную роль сыграли также активные творческие связи советских этнографов с этнографами социалистических стран и заметно возросший международный авторитет советской этнографической школы.

В краткой статье, разумеется, невозможно охарактеризовать современную теоретическую концепцию советской этнографии всесторонне и детализированно. Нашу задачу облегчает то, что ее основные идеи, в своей совокупности составляющие стержень этой концепции, неоднократно формулировались в теоретических работах, частных исследова-

ших и обзорах<sup>6</sup>. Задача настоящей статьи — выделить некоторые концептуальные узлы, сформулировать их в самом общем виде и показать их зависимость от современной социальной и этнокультурной ситуации в Советском Союзе и отчасти шире — в современном мире.

Разумеется, любая общая концепция какой-либо науки прежде всего складывается из определенного числа частных концепций, представляющих собой не что иное как решения (или варианты решений) важнейших проблем этой науки на современном этапе ее развития. Однако мы не имеем возможности рассматривать эти частные концепции, даже важнейшие из них. И, наконец, теоретическая концепция современной советской этнографии существует и функционирует не только в виде теории на определенном уровне абстракции — она воплотилась в сотнях книг и статей, публиковавшихся в последние годы всем многонациональным коллективом советских этнографов.

В основе теоретической концепции, разработанной советской этнографией, лежит естественное для социалистической и интернационалистской идеологии, и для всех нас как бы само собой разумеющееся, представление о единстве человечества, человеческой истории и культуры.

Физическое единство человека, его принадлежность к одному биологическому виду несомненны. Условно распадаясь на так называемые «большие расы» и объединяясь в отдельные группы народов, люди, вместе с тем, не образуют чистых расовых типов. Ареалы важнейших дифференциальных признаков, как правило, не совпадают ни с этническими территориями отдельных народов, ни с географическим распределением отдельных языков и языковых семей. Человеческая история также развивается по единым социальным законам. Единство человеческой культуры столь же убедительно выявляется на различных уровнях — в единстве закономерностей, в сходстве основных ее социальных функций, в единстве основных ее типов. Наконец, единство культуры народов формируется в постоянном, то более, то менее интенсивном, но в целом нарастающем взаимодействии форм и явлений культуры, созданных отдельными региональными, этническими и локальными общностями.

Основываясь на этих представлениях, советская антропология и этнография с первых лет своего существования вели непримиримую борьбу с расизмом, расщепляющим человечество на будто бы несовместимые в физическом, социальном, психологическом и культурном отношениях расы. Политическая ситуация начала-30-х гг. выдвигала эту задачу на передний край идеологической борьбы, борьбы школ и направлений в мировой антропологии и этнографии<sup>7</sup>. Задача эта до сих пор остается актуальной и в научном, и в политическом отношениях. Расизм проявлял себя и до сих пор проявляет не только (теперь, может быть, даже

<sup>6</sup> Толстой С. П. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР.— СЭ, 1956, № 3; Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии.— СЭ, 1951, № 2; Толстой С. П. Советская школа в этнографии.— СЭ, 1947, № 4; Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку.— СЭ, 1948, № 2; Толстой С. П. 40 лет советской этнографии.— СЭ, 1957, № 5; Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5; Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук.— СЭ, 1974, № 2; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи...; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981; Этнография. Под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982; Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.— СЭ, 1975, № 4; Бромлей Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР.— СЭ, 1982, № 6; *его же*. Ленинское наследие и этнографическая наука.— СЭ, 1980, № 3; Актуальные проблемы идеологической работы и задачи советских этнографов.— СЭ, 1980, № 2; Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Этнографическая наука в десятилетии.— СЭ, 1981, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971.

Ср. Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии.— СЭ, 1931, № 1—2; Кагаров Е. Г. Идеалистические и механистические течения в современной буржуазной этнографии.— СЭ, 1932, № 4; *его же*. *Нові праці з теорії та методології етнографії на Заході*.— Етногр. Вісник. Київ, 1930, кн. 9, и др.

не столько) в грубых формах физиологического расизма, лженаучность которого разглядеть не так уж трудно, сколько в более тонких формах национализма, вплоть до весьма изощренных и внешне благопристойных форм — гипертрофии национального самосознания, культурного релятивизма и т. д.<sup>8</sup> Не случайно советская этнография за время своего существования уделяла много сил и внимания изучению малых народностей, исходя при этом из убеждения в одинаковой ценности истории и культуры как больших, так и малых народов. Идеи, сформулированные в «Декларации прав народов России» — одном из первых политических документов советской власти — полностью соответствовали прогрессивной традиции русской этнографии и в дальнейшем стали краеугольным камнем этнографической теории. Народы признаются равными, как бы малы или велики они ни были, не из снисходительного и покровительственного отношения к ним, а из принципиального убеждения в одинаковой ценности каждой человеческой жизни, каждой человеческой индивидуальности, и вслед за этим — ценности деятельности каждого народа в ее неповторимых и своеобразных чертах. Решительно преодолевая европоцентризм, современная история культуры и современная этнография видят человеческую культуру в реальном богатстве и разнообразии ее красок, форм, проявлений человеческого мастерства, выдумки, темперамента, психологии. Дело далеко не в том, что эскимосская культура хороша эскимосам, как зулусам — зулусская или французам — французская, а русским — русская. Деятельность каждого народа ценна именно в общечеловеческом масштабе. Так, например, энергия адаптации у народов Приполярья была не меньшей, чем у народов Средиземноморья, поэтому и объективная ценность их достижений в столь суровых условиях — овладение приполярной зоной ойкумены — была в равной мере велика, в равной степени имела творческий характер, была неповторимым вкладом в фонд общечеловеческой культуры. Поэтому каждый народ достоин изучения.

Советская этнография принципиально отвергает также деление народов на «исторические» и «неисторические». У каждого народа была своя социальная, экономическая история и история культуры. По тем или иным причинам история народа развивалась в более бурном или более замедленном темпе, при этом возникало разное соотношение отдельных сфер социальной или культурной жизни. Разной глубины и интенсивности могли быть и контакты с соседними народами. Народы, по тем или иным причинам пережившие стадию ускоренного развития, раньше обрели письменность, и их деятельность (вернее — некоторые ее стороны) раньше стала фиксироваться в исторических документах. Обычно это совпадало с периодом формирования классового общества и даже государства. Поэтому создается впечатление насыщенности; истории таких народов политическими событиями — войнами, политическими переворотами, борьбой классов или тех или иных сословных группировок. Однако история — это не только политические события, это прежде всего продуктивная деятельность народов, их достижения в разнообразных сферах культуры. Показать, как сформировался тот или иной народ, в чем были особенности его исторического развития, каков его вклад в историю культуры человечества — одна из наиболее трудных и вместе с тем почетных задач этнографии, которую она самоотверженно решала и решает в союзе с археологией, лингвистикой, фольклористикой и историей искусства.

Признание равенства народов, их исторической и культурной равноценности, как мы уже говорили, не означает культурного релятивизма, отказа от оценочного (аксиологического) подхода к отдельным явлениям культуры, вошедшим в традицию того или иного народа и, тем более, теоретического оправдания или даже признания целесообразности

---

<sup>8</sup> Против расизма. М.: Наука, 1966; «Нет!» — расизму. М.: Наука, 1969; Народы; Против расизма. М., 1970; Документы обличают расизм. М., 1968; см. также ежегодник «Расы и народы».

культурной отсталости, темноты и невежества<sup>9</sup>. В истории Оьта каждого народа были, разумеется, явления не только прогрессивные, но и такие, от которых предстояло впоследствии освободиться (например, все разновидности религии, магической обрядности, бытовое неравноправие женщин и т. п.). С точки зрения мировой цивилизации можно выделить даже целые «тупиковые» линии. Однако с их оценкой надо быть максимально осторожным. Такие «тупиковые» линии не имеют будущего, но это еще не исключает того, что в прошлом или даже в недавнем прошлом они ознаменовались замечательными достижениями, которые внушают гордость за человека-творца (например, деревянное срубное жилище, деревянные храмы, деревянная утварь, способы упряжки тяглового скота, усовершенствованные формы лука и т. п.). Они могут не терять своей эстетической и исторической ценности, даже переживать свою «вторичную» жизнь на периферии современной культуры (временное жилище, украшение интерьера, спорт и т. д.), но магистральное развитие культуры уже связано с другими материалами, другими способами хозяйствования, охоты, рыболовства и т. д.

Оценочный подход к различным сторонам жизнедеятельности народа становится особенно актуальным, когда речь идет о явлениях, современных исследователю, о включении этнографических знаний в современную практическую деятельность. Вместе с тем, аксиологический подход к изучаемым явлениям — органическое свойство современной этнографической концепции — вовсе не означает возврата к упрощенным; эволюционистским представлениям о всеобщем развитии от плохого к хорошему и от простого к сложному. Реальные пути развития народов и их культуры весьма сложны. Развитие может выражаться и в упрощении, и в усложнении этнической и этнокультурной структуры народов, в перегруппировке компонентов тех или иных структур, в перестройке внутрискруктурных связей либо в выпадении тех или иных структур из процесса дальнейшего развития, в формировании новых структур или решительном переосмыслении старых, т. е. в присвоении им функций, которые не свойственны были им раньше.

Принципиальное утверждение единства человеческой истории и культуры не снимает, а, наоборот, предполагает изучение особенностей развития отдельных человеческих сообществ, признание того, что на определенных этапах развития и в конкретных условиях соотношение общего и особенного в их культуре может быть и обычно оказывается различным.

Важнейшим инструментом выявления соотношения общего и особенного, свойственного традиционной культуре отдельных народов или их локальных групп, постепенно становятся историко-типологические и сравнительно-типологические исследования. Они, несомненно, продуктивны в сочетании с картографированием отдельных элементов или комплексов традиционно-бытовой культуры. В последние годы выполнена целая серия подобных исследований, открывающих перспективу развития этой методики<sup>10</sup>. Активизация сравнительных изучений, однако, не

<sup>9</sup> *Перици А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре. — СЭ, 1982, № 3.

<sup>10</sup> Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. *М. Г. Левина* и *Л. П. Потапова*. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961; Русские. Историко-этнографический атлас (середина XIX — начало XX в.). Под ред. *В. А. Александрова*, *В. И. Козлова*, *П. Я. Кушнера*, *М. Г. Рабиновича*. М.: Наука, 1967, 1970 (в двух книгах); *Брук С. И., Рабинович М. Г.* Историко-этнографические атласы. — СЭ, 1964, № 4; Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М.: Наука, 1973; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М.: Наука, 1977; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978; Семейные обряды народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980; Одежда народов Зарубежной Азии. — Сб. МАЭ, т. XXXII. Л.: Наука, 1977; *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976; *Кабашиткаў К. П.* Беларускі фальклор у параўнальным освятленні. Псторыяграфічны нарыс. Мінск, 1981; Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти *В. Я. Проппа* (1895—1970). М.: Наука, 1975.

означает возврата к компаративизму XIX в., тесно связанному с диффузионистскими теориями, трактовавшими заимствование как основной стимул саморазвития культуры.

Таким образом, единство человечества и человеческой культуры понимается как вариационное множество конкретных форм проявления общих закономерностей. Вместе с тем и отдельные, даже наиболее устойчивые элементы культуры, т. е. отдельные компоненты этих форм, постоянно варьируют, одновременно оставаясь в рамках определенных моделей<sup>11</sup>. Этот тезис очень важен, так как этнография — наука не только об общих закономерностях, но и о конкретных формах их проявления, причинах их возникновения и географического распространения, типологии и механизма их функционирования.

Весьма существенно и то, что специфические черты, особенности и конкретные формы возникают, как правило, не обособленно друг от друга, а в качестве некоторой стабилизирующей системы, элементы (или компоненты) которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они формируются под воздействием целого набора факторов и обстоятельств — природных условий среды обитания данной социальной общности, особенностей ее экономического и социального развития, темпа ее развития (временной протяженности отдельных исторических этапов, в ряде случаев — пропуска тех или иных звеньев развития), воздействия экономических и культурных контактов. Очень существенны при этом особенности «языка» каждой системы культуры (ее знаковой и символической системы значений), реального соотношения традиционных элементов и инноваций на данном конкретном этапе развития. Наконец, несомненна зависимость конкретных типов и форм культуры от численности той или иной социальной общности, характера ее расселения (компактного, дисперсного или иного) и т. д. и т. п. Соотношения этих факторов и условий образуют в результате их длительного воздействия конкретные хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области или регионы. Следует подчеркнуть, что развитие учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях явилось в свое время этапным моментом в истории марксистской этнографической теории<sup>12</sup>.

Одним из важнейших компонентов современной концепции советской этнографии является также определенное понимание традиции и ее механизма. Именно эта категория понятийного аппарата теоретической этнографии включает ее в современную теорию человеческой деятельности и культуры.

Если понимать культуру широко, как это предлагалось советскими культурологами, т. е. как способ деятельности человеческого общества, механизм его приспособления к природной и социальной среде и, одновременно, механизм приспособления природной и социальной среды к человеческим потребностям (по Э. С. Маркаряну — «адаптационно-адаптирующий механизм»), то следует отказаться от привычного для старой (и современной буржуазной) этнографии деления человеческих обществ на «традиционные» и «нетрадиционные». Никакое человеческое общество не может существовать без своей культуры (т. е. без своей системы приспособления и функционирования) и, в равной степени, без механизма трансмиссии культуры, т. е. механизма стереотипизации, отбора (селекции) и передачи опыта, который накапливается поколениями людей. Общества могут отличаться и отличаются набором и характером стереотипов, способами их отбора и передачи, наконец, способами их реа-

<sup>11</sup> Чистов К. В. Традиция и вариативность. — СЭ, 1983, № 2; *его же*. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования. — СЭ, 1981, № 2; *его же*. Вариативность как проблема теории фольклора. — В кн.: *Mezetnicke vst'ahy ve folklore Karpatskej oblasti*. Bratislava, 1980.

<sup>12</sup> Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — СЭ, 1968, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. раб.

лизации<sup>13</sup>. Из такого понимания культуры и традиции следует, что этнография может и должна изучать в своем аспекте не только общества прошлого, но и современные урбанизированные общества. Очень важно при этом в рамках социальной общности какого масштаба и какими способами осуществляется межпоколенная трансмиссия культуры и ее воспроизведение. В свете теории информации в этом случае следует говорить о характере и густоте информационных связей как вертикальных (от поколения к поколению), так и горизонтальных (между современниками).

Если буржуазная этнография в центр своего внимания ставит человека или малую первичную социальную группу, то советская этнография, опираясь на фундаментальные положения исторического материализма, исходит из того, что человеческое общество и его культура воспроизводятся не отдельным человеком или элементарной первичной социальной группой, а целостным социальным организмом. В отличие от других социальных наук этнография исследует прежде всего «этнос» — социальную общность этнического характера. С точки зрения теории информации этнос — это особенная густота (сгусток) информационных связей и свой традиционный «язык» культуры, обслуживающий эти информационные связи<sup>14</sup>.

В последние десять-пятнадцать лет в советской этнографии особенно интенсивно развивалась теория этноса как основного объекта этнографической науки<sup>15</sup>. Термины «этнос» и производные от него — «этническая общность», «этнические процессы», «этнические признаки» — вошли в современную научную лексику, хотя следует признать, что понимаются они не всегда однозначно. Вместе с тем советские этнографы безусловно сходятся на 7-ом, что термин «этнос» следует применять для обозначения самых различных типов этнических общностей от наименьших и архаических (племя) до наибольших и современных (современные крупные нации), т. е. любых типов этнических общностей на всех этапах их исторического развития.

Этнос понимается советскими этнографами как динамическая система, поэтому основная задача этнографии — историкоэтнографическое изучение народов или изучение истории народов, их деятельности и их культуры под этническим углом зрения. Это — основная предметная зона этнографии<sup>16</sup>. Исследователи выделяют различные этнообразующие и этнодифференцирующие факторы (общность происхождения, территории, культуры, языка, конфессиональная общность и т. д.), которые в разные исторические периоды и в разных социально-экономических, политических и т. д. ситуациях играли различную роль. Несомненно вместе с тем чрезвычайно значительная роль этнического сознания и самосознания и самих по себе и в качестве факторов, превращающих те или иные элементы или комплексы культуры в этнически значимые.

<sup>13</sup> Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969; его же. Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2; обсуждение статьи Э. С. Маркаряна см. там же, № 2 и 3.

<sup>14</sup> Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации. — В кн.: Типологические исследования по фольклору...; Кобищанов Ю. М. Этнос и информация. — В кн.: Семантика средств массовой информации. М., 1973, ч. II; Арутюнов С. Л., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, в. 2; Cistov K- Ethnographisches Studium der gegenwärtigen geistigen Kultur im theoretisch-informativischen Aspekt. — Ethnologia Slavica, t. X—XI, 1978—1979. Bratislava, 1980.

<sup>15</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; его же. Современные проблемы этнографии; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей: к методологическим проблемам этнографии. — Вопросы философии, 1964, № 11; Козлов В. И. О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2; Чебоксаров Н. Н. Проблема типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 2; Лащук Л. П. О формах донациональных этнических связей. — Вопросы истории, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности «этноса». — Природа, 1970, № 8; Пучков П. И. О соотношениях конфессиональной и этнической общности. — СЭ, 1973, № 6; Першиц А. И., Покишишевский В. В. Ипостаси этноса. — Природа, 1978, № 12, и др.

<sup>16</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография (гл. «К вопросу об объекте и предмете этнографических исследований», с. 204—213).

Этническое самосознание как социально-психологическая категория играет и этноконсолидирующую (интегративную), и этнодифференцирующую роль. Оно, как и сам этнос,— вторичное социальное явление. Это определенный способ осознания социальных связей как связей над-социальных, природных, биологических. Русский или француз считает себя таковым по рождению, в действительности же он становится полноценным членом этнической общности только в процессе социализации, приобщения к языку, культуре, обычаям, нормам поведения и т. д. той или иной социальной общности. Осознание этнических связей как связей родственных, видимо, нередко может быть иллюзорным, так как особенно для крупных этносов весьма затруднительно доказать родство всех его членов или, как сказал бы антрополог, единство генофонда этноса<sup>17</sup>.

Любой этносоциальный организм, особенно развитый, распадается на классы, социальные слои, сословия, профессиональные, конфессиональные, локальные и другие группы. Этническое самосознание и этнические связи играют при этом как бы роль обруча, который скрепляет дифференцированное изнутри единство. Оно остается способом осознания социальных связей, в этом случае — связей экономических, политических, государственных и т. п.

Опыт этнографических исследований показывает, что важнейшую этнодифференцирующую и этноинтегрирующую роль, т. е. важнейшие этнические функции выполняют, наряду с языком, также и устойчивые компоненты повседневной массовой бытовой культуры, в создании которой особенно большую роль всегда играли народные массы<sup>18</sup>. Повседневная традиционно-бытовая культура — ядро предметной области современной советской этнографии. Именно поэтому этнография издавна занята изучением проблем истории традиционно-бытовой культуры. В советское время было опубликовано значительное количество исследований, ориентированных на изучение культуры и быта отдельных народов, их социальных и локальных групп, даже жителей отдельных селений<sup>19</sup>.

В условиях урбанизации элементы и, тем более, комплексы архаической традиционно-бытовой культуры, как известно, все шире сочетаются с продукцией промышленного производства и профессиональным слоем духовной культуры. Затем они начинают вытесняться последними. В наши дни у наиболее развитых народов мира мы все чаще встречаемся не с прямым продолжением традиций архаической культуры, а со вторичными формами существования ее элементов (так называемый «фольклоризм»). Важно то, что они тоже, как правило, осознаются как этнически маркированные, и их изучение представляет значительный интерес для этнографов<sup>20</sup>.

Являясь исторической дисциплиной, советская этнография в наши дни занимает весьма своеобразное место в системе общественных наук. Осознавая себя исторической наукой, современная этнография ощущает

<sup>17</sup> Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АИ СССР, 1948, в. 8; Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и его роли в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2; Смирнов Ю. И. О народном самосознании (по фольклорным материалам). — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

<sup>18</sup> Современные этнические процессы в СССР. М., 1975 (2-е изд. — 1977); Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (раздел «Этнические процессы: общая характеристика»).

<sup>19</sup> Сведения о монографиях об отдельных народах см. в перечисленных выше обзорах. См. также: «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962». Составители О. В. Бунакова и Р. В. Каменецкая. Л.: Наука, 1967. В послевоенные годы Институтом этнографии опубликована 18-томная серия «Народы мира», 5-томная серия «Очерки общей этнографии»; в настоящее время Институт принимает активное участие в издании научно-популярной географо-этнографической 20-томной серии «Страны и народы».

<sup>20</sup> Чистов К. В. Проблема «вторичных форм» в фольклористике и этнографии. — В кн.: Расы и народы, т. V. М.: Наука, 1975.

ближайшее соседство не только с антропологией, археологией, фольклористикой и географией, как это было издавна, но и с конкретной социологией современности, социальной психологией, историей и теорией культуры и т. д. Вместе с тем у нее есть свои задачи и функции. Уточнив свое место в современной системе наук, этнография укрепила связи со многими из них. Это обуславливается тем, что, хотя этнографы концентрируют основное внимание на культурно-бытовых явлениях и их этнических функциях и особенностях, однако выяснение отличительных типических черт быта каждого народа требует знания его образа жизни в целом. Именно поэтому этнографическое изучение народов неизбежно пересекается со многими «отраслевыми» общественными и естественными науками. На их пограничье в последнее время возникла целая серия особых «спутников» этнографии — этническая антропология, этногеография, этнолингвистика, этнодемография, этносоциология, этнопсихология и др. Этнические общности, как уже говорилось, вторичны, т. е. они формируются под воздействием экономических, социальных, политических, конфессиональных и других факторов и условий. Однажды возникнув, они стремятся как бы к внутренней культурной однородности и подчас оказываются устойчивее других социальных общностей. Так, например, греческий этнос переживает уже третью социально-экономическую формацию (рабовладельческую, феодальную, капиталистическую), болгарский — тоже третью (феодальную, капиталистическую, социалистическую). Вместе с тем, ни один этнос не вечен, он не «падал с неба» в готовом виде и не был запрограммирован генетически.

В связи с этим советские этнографы одной из важнейших проблем своей науки считают проблемы этногенеза, т. е. происхождения, формирования народа, хотя отчетливо осознают, что эта сложнейшая проблема не может решаться только на этнографическом материале, без обязательного привлечения археологических, лингвистических, фольклорных источников и (в том случае, если они наличествуют) источников письменных, документальных. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что в последние десятилетия весьма ощутимо возросла роль письменных, документальных источников в этнографических исследованиях. Интерес этнографов к исторической документации возрастает в прямой связи с процессом изживания в бытовой культуре современных народов элементов традиционной культуры, унаследованных от периода феодализма и ранних стадий капиталистического развития. Особое значение приобретает использование исторических документов при реконструкции традиционной культуры недавнего прошлого, сведения о которой все труднее добываются полевыми методами исследования, классическим для старой этнографии методом прямого наблюдения. Современная этносоциология также стремится к широкому использованию документальных источников в сочетании с анкетированием и последующей статистической обработкой с применением ЭВМ.

Современный мир знает нации, которые возникли относительно давно, относительно недавно и, вместе с тем, нации, которые еще только формируются в наши дни (ср. некоторые нации Африки и Азии). Это очень важное наблюдение современной этнографии также противостоит националистическим романтическим преувеличениям, стремлению во что бы то ни стало доказать извечное существование «своего» народа или его великое историческое прошлое, его необыкновенную устойчивость и т. д., доказать при помощи истории свое право на существование. В действительности у всех людей одинаково древняя генеалогия, и каждый народ имеет право на существование и признание, если он осознает себя отдельным народом. Большая или меньшая «глубина» истории отдельных народов объясняется тем, что процесс возникновения и развития этносов нередко сопровождался перегруппировками, сегментацией ранее существовавших этносов или интеграцией, сплочением в один этнос двух или трех ранее существовавших и самостоятельных этносов. Необходимость различать разные стадии этнической истории народов привела к закреплению употребления трех терминов — «этногенез», «эт-

ническая история» и «современные этнические процессы», которые в понятийном арсенале современной советской этнографии заняли весьма значительное место<sup>21</sup>.

Пристальное изучение географического распространения народов этих культур (в том числе и этнографическое картографирование) привело советских этнографов к весьма важному для современной этнографии выводу: границы расселения отдельных этносов (этнические территории), ареалы отдельных языков, отдельных комплексов или тем более элементов культуры и ареалы отдельных антропологических особенностей, как правило, не совпадают. Это свидетельствует о сложности исторического процесса, о действии в названных выше сферах специфических закономерностей, которые подлежат специальному изучению.

В истории как русской, так и мировой этнографии систематическое изучение материальной культуры в ее традиционно-бытовых формах началось значительно позже, чем изучение духовной культуры (фольклора, обрядов и обычаев, верований и т. д.). То же можно сказать и о бытовых или первичных социальных институтах. Не случайно вышедшая в конце XIX в. фундаментальная «История русской этнографии» А. Н. Пыпина на три четверти является историей русского фольклора. В известной книге Д. К. Зеленина «Русская восточнославянская этнография», увидевшей свет во второй половине 20-х гг., была предпринята попытка уравновесить эти три раздела этнографии<sup>22</sup>. В 30-х—50-х гг. исследование материальной культуры стало заметно преобладать. Причины этого не формулировались прямо, но подразумевалось, что историко-материалистическое изучение традиционно-бытовой культуры означает выдвигание на первый план проблем экономики, способов землепользования, орудий труда, жилища и хозяйственных построек, одежды и т. д. В этом был определенный резон, но ситуация в дальнейшем сложилась так, что образовался разрыв между изучением материальной и духовной культуры. Дело не только в том, что последние на протяжении двух-трех десятилетий этнографами изучалась меньше. Материальная и духовная культура была как бы разъята теоретически. Условность границы между первой и второй часто забывалась. Это приводило к тому, что за отдельными комплексами материальной культуры, техникой ее создания, процессом ее функционирования и т. д. не вскрывались человеческие отношения и в целом «очеловеченный» характер материальной культуры, который выражался не только в способах или навыках употребления тех или иных орудий труда, жилища, одежды, пищи, но и в символическом или знаковом (семиотическом) осмыслении практических функций вещей, в теснейшем переплетении практической и обрядовой деятельности, в коммуникативном значении той и другой (например, толоки, коммуникативное и социальное значение трапез как повседневных, так и праздничных и, особенно, обрядовых; коммуникативное и обрядовое значение даров невесты в ходе свадьбы и т. д.; функциональное распределение пространства крестьянского жилища между половозрастными группами и т. д.). В последние десять-пятнадцать лет в советской этнографии наметилось стремление преодолеть разрыв и создать единую этнографическую теорию традиционно-бытовой культуры в ее историческом развитии<sup>23</sup>. Путь к ней, видимо, в накоплении опыта комплексного исследования отдельных видов деятельности людей (поведенческих комплексов) и их результатов как явлений социальных, материальных и духовных. Проникнуть в подлинную природу этих комплексов должно

<sup>21</sup> Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования (предварительные замечания).— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

<sup>22</sup> Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. I—IV. СПб., 1890—1892; Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin und Leipzig, 1927.

<sup>23</sup> Токарев С. А. О задачах изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; Байбулин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта).— В кн.: Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л.: Наука, 1982 (Сб. МАЭ, т. 38).

помочь изучению так называемой соционормативной культуры и этнопсихологии<sup>24</sup>. Очень важно при этом также гармоническое изучение фольклора в системе этнографии.

Фольклор на всем протяжении человеческой истории до периода урбанизации был основным интегрирующим компонентом в системе духовной культуры, одним из важнейших средств трансмиссии культуры и одним из важнейших коммуникативных средств. Обособление фольклористики от этнографии, как это иногда делалось, неправомерно. Специфика словесных структур, вошедших в бытовую традицию, разумеется, предполагает наличие у исследователя специальных филологических знаний, однако совершенно так же обстоит дело и в других разделах этнографии—этнографическое изучение народного искусства предполагает учет специфики искусства как особого социального явления, изучение обычного права, народной медицины, жилища и т. д. требует специальных юридических, медицинских, историко-архитектурных и т. п. знаний<sup>25</sup>. Изучение этнических функций этих явлений без них невозможно. Такова особенность этнографии как науки. Ее основной объект — этнос — живет многосложной, многообразной и многослойной жизнью,

Одним из важных элементов современной теории советской этнографии является определенное понимание соотношения традиционно-бытовой культуры и культуры так называемой «профессиональной». Этот термин, первоначально возникший как термин фольклористический, не очень удачен, но в последние годы он приобрел общэтнографическое употребление. В фольклористике им обычно обозначают явления нефольклорные по своему происхождению, возникшие не в контексте массового быта, а в среде профессионалов-литераторов. Это не исключает того, что они могут войти в устный оборот, в фольклорное бытование, получить массовое распространение. В приложении к этнографическим явлениям нефольклорного характера этот термин употребляется для обозначения явлений духовной культуры, тоже возникающих в профессиональной среде. С точки зрения историко-этнографической важно, что эти явления, проникающие в быт той или иной социальной группы извне, не производятся, а только «потребляются» или воспроизводятся ею.

Современное урбанизированное общество отличается от своих предшественников тем, что подавляющее число предметов материальной культуры, функционирующих в быту всех классов и социальных слоев, производится именно «вне быта», промышленным путем. Кроме того, многие явления духовной культуры, существовавшие раньше только в устной (фольклорной) форме, материально фиксируются (книга, газета, звукозапись, видеозапись и т. д.) и в таком виде тоже получают массовое распространение. Это привело к тому, что ряд форм как материальной, так и духовной культуры получили глобальное распространение в одинаковом или сходном обличье (или по крайней мере — распространение в весьма обширных регионах, территории которых значительно больше традиционных историко-этнографических областей прошлого). Значит ли это, что бытовая культура не имеет больше традиций и потеряла свои этнические функции? Разумеется, нет. Наличие или отсутствие традиций вовсе не определяется тем, производятся вещи ручным или промышленным способом, производит их ремесленник или индустриальный рабочий. И в прошлом, и в настоящем этнические функции были свойственны не отдельным элементам культуры, а преимущественно системе культуры определенного этноса или группы родственных, либо контактирующих этносов в целом. Этнические особенности в наше время заложены

<sup>24</sup> Дашдамиров Л. Ф. К методике исследования национально-психологических проблем. — СЭ, 1983, № 2. Дискуссию по статье А. Ф. Дашдамирова и по теоретическим проблемам этнопсихологии см. там же, № 2—3.

<sup>25</sup> Чистов К. В. О взаимоотношении фольклористики и этнографии. — СЭ, 1971, № 1; Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970; Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973; Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974; Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977; Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981; Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

жены не столько в вещах, сколько в сознании людей, их производящих, приобретающих (селекция) и употребляющих в тех значениях, которые они им придают. Этнические особенности кроются преимущественно в психологии людей и в их поведении. Они, как правило, могут быть выявлены преимущественно в сферах современного материального быта, которые сохраняют элементы производства (пища, частично одежда) или в которых особенно важен выбор и комбинирование (одежда, интерьер).

Как уже говорилось, современная советская этнография основным своим объектом считает не культуру этноса, а сам этнос. Поэтому при изучении современных культурно-бытовых процессов конечной целью считается их осмысление как процессов этнических. Вместе с тем этнические процессы понимаются шире, чем процессы культурно-бытовые<sup>26</sup>. При этом особое значение приобретает проблема развития самосознания этноса в конкретной социально-политической и этнокультурной ситуации, развитие контактов с другими этносами (взаимовлияние культур, двуязычие, смешанные браки, характер расселения этносов по отношению друг к другу и конфигурация этнической территории), социальная и профессиональная структура этноса, характер соотношения традиционных элементов и инноваций, соотношение фольклорного и профессионального слоев духовной культуры, характер существования локальных групп и процесс их консолидации.

В последние годы изучались современные этнические процессы, происходящие как в Советском Союзе, так и в других регионах мира<sup>27</sup>. Наряду с задачей выяснения особенностей этнических процессов у отдельных народов и в отдельных странах или регионах, разрабатывалась проблема специфики развития этнических процессов в современном урбанизированном обществе в условиях развитого социализма, в условиях капитализма как в странах «третьего мира», т. е. в развивающихся странах. При внешнем сходстве основных направлений современных этнических процессов (развитие национального самосознания и культуры, консолидационные и интеграционные процессы, процессы ассимиляции, развитие двуязычия и полиэтничности, особенно городов и экономически интенсивно развивающихся районов, рост численности смешанных браков и т. п.) их содержание и результаты во многом различны и создают различные ситуации.

Актуальность изучения современных этнических (национальных) и этнокультурных процессов чрезвычайно велика. Известно, что в последние десятилетия в ряде районов мира возникали и продолжают возникать острейшие политические кризисы, принимающие зачастую форму этнических конфликтов или осознающиеся как этнические, какие бы социально-экономические и политические причины не были в их основе. Достаточно вспомнить современные этнические ситуации в США, Ирландии, Бельгии, Канаде, Испании, не говоря уж о многих африканских и азиатских странах.

Не подлежит сомнению, что национальные (этнические) процессы стимулируются определенными социальными ситуациями. Однако понимание детерминированности этнических процессов и в то же время их определенной самостоятельности еще недостаточно для уяснения хода, темпа и характера этих процессов. Механизм зависимости этнического от социального должен специально исследоваться во всей его реальной конкретности. Подобное исследование должно привести к выработке типологии этносоциальных процессов, закономерностей их возникнове-

<sup>26</sup> Современные этнические процессы в СССР, 1977 (см. главы «Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР» и «Духовная культура и этнические процессы»).

<sup>27</sup> Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1970; Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972; Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974; Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1976; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М.: Наука, 1976; *Исмаилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973.

НЕЯ и развития. Такое понимание проблемы привело к развитию в составе советской этнографии специфического направления — этносоциологии. Этнос как динамическая система исследуется этим направлением по определенным параметрам: соотношение этнической и социально-профессиональной структуры этноса, этнические установки и ориентации (и в связи с этим соотношение реального и проективного поведения), рост числа смешанных браков и развитие двуязычия в разных социально-профессиональных группах, социальная мобильность и динамика структуры этноса, развитие полиэтничности изучаемых районов в соотношении с социальными и этническими показателями, механизм выравнивания социальных структур и уровня образования контактирующих этносов и т. п.<sup>28</sup>

В последнее десятилетие, после опробования нового этносоциологического инструментария, ведется работа над общесоюзным проектом «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», возглавляемая Институтом этнографии АН СССР при участии этнографов и социологов многих республик. В ряде республик осуществляются и самостоятельные этносоциологические исследования (Белоруссия, Эстония, Молдавия, Армения и др.).

Изучая современные национальные и этнические процессы в СССР, этнографы и этносоциологи исходят из фундаментального марксистского положения о двух основных тенденциях национальных процессов в современном мире, сформулированного еще В. И. Лениным, — развитие наций и, вместе с тем, их неминуемое экономическое и культурное сближение. Очень важно при этом на какой социальной и политической почве развиваются эти процессы (капиталистической или социалистической) и какой характер они в зависимости от этого принимают — антагонистический, кризисный или катаклический либо ими руководят разумно, вовремя предвидя и ликвидируя возможные противоречия.

Еще раз напомним, что, предпринимая попытку изложить узловые моменты концепции современной советской этнографии, мы, разумеется, не могли касаться частных концепций, которые возникали и развивались на отдельных участках этнографической науки (например, антропогенез и процесс расообразования, проблемы первобытности, соотношение рода и общины, развитие семьи, формирование раннеклассовых обществ, типология жилища и обрядов, дешифровка забытых систем письма, этническая картография и этническая демография, этнография города, народное искусство, мифология и фольклор и т. д.).

Концепция современной советской этнографии — важнейший итог пятидесятилетнего существования Института этнографии АН СССР как головного академического этнографического учреждения. Это, само собой разумеется, не означает, что концепция эта создавалась исключительно учеными, работавшими в эти годы в Институте. Если в 20-е годы во всех союзных республиках, кроме Украины, Белоруссии, Грузии и Армении, еще не было своих профессиональных этнографических кадров (то же можно сказать о всех автономных республиках, исключая Татариию и Карелию), и первые этнографические исследования выполнялись преимущественно этнографами Москвы и Ленинграда, то к концу 40-х — началу 50-х годов с полным основанием говорили о многонациональной советской школе этнографии, которой в целом и принадлежит разработка этой, столь кратко и только в некоторых узловых моментах изложенной нами концепции. Вместе с тем на всех этапах ее формирования и развития Институт этнографии АН СССР неизменно выступал инициатором постановки новых проблем, формулировки новых теоретических и методических идей, важнейшим центром подготовки кадров квалифицированных этнографов, проведения всесоюзных дискуссий и т. д. Поэтому итоги деятельности Института за прошедшие пятьдесят

<sup>28</sup> Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни Сью материалам Молдавской ССР), М.: Наука, 1980.

лет можно осмыслить только в связи с процессом формирования и развития этой концепции.

Систематическое изучение собственно этнических и национальных проблем, которое выдвинулось в последние годы на первый план, диктовалось самой действительностью. Важность их неоднократно подчеркивалась в руководящих партийных документах, в том числе и в решениях XXVI съезда КПСС. Они были, естественно, в центре внимания партийных документов, связанных с отмечавшимся в декабре 1982 года 60-летием образования Союза Советских Социалистических Республик.

Как уже отмечалось в специальной статье<sup>29</sup>, акт образования Советского Союза как многонационального государства, созданного народами, совершившими социалистическую революцию, избравшими социалистический путь развития и добровольно объединившимися ради совместного движения к этой цели, и первая Конституция союзного социалистического государства были реальным воплощением марксистско-ленинского интернационализма. При этом учитывалась реальная этническая, этносоциальная и этнокультурная ситуация, сложившаяся к началу 20-х гг. нашего века. Коммунистическая партия исходила из убеждения, что одними политическими декларациями и законодательными актами не могут быть достигнуто фактическое равноправие и обеспечены оптимальные условия развития всех наций и народностей. Достижение фактического равенства осуществимо только в результате ликвидации тяжелого наследия царской России — необычайной пестроты уровней социального и культурного развития и многочисленных социальных и национальных, экономических, политических, идеологических и пр. преград на пути ликвидации этого наследия. Нужно не только провозглашение прав, но и создание условий, при которых все национальности смогут и захотят ими воспользоваться. Последующие 60 лет были испытанием правильности этих установок, их научной обоснованности. В свете итогов шестидесятилетнего развития страны и осознания проблем, которые еще ждут своего решения, должны также оцениваться и идеи, и методы, и результаты научно-исследовательской деятельности советских этнографов, формироваться и координироваться их планы в ближайшей и в дальней перспективе.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова «Шестьдесят лет СССР» в разделе «Итоги пройденного пути и задачи национальной политики» подчеркивается: «Успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей. Такое вряд ли возможно, пока существует нация, пока есть национальные различия. А они будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые»<sup>30</sup>. Поэтому совершенствование развитого социализма «должно включать и продуманную, научно обоснованную национальную политику»<sup>31</sup>. Под этим разумеется прежде всего задача не «забегать вперед», но вместе с тем, не «допускать и сдерживания уже назревших вопросов»<sup>32</sup>. Такая политика предполагает научно обоснованную оценку конкретных этнических ситуаций в каждой республике и в каждом районе Советского Союза, и, вместе с тем, постоянное совершенствование понимания общих закономерностей современных этнических процессов. Все это открывает советским этнографам широкое поле деятельности и ставит перед ними задачи большой политической и государственной важности.

<sup>29</sup> Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР. — СЭ, 1983, № 2.

<sup>30</sup> Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года. М.: Политиздат, 1982, с. 10.

<sup>31</sup> Там же, с. И.

<sup>32</sup> Там же, с. 10.